

ОЛЕГ СЕРГЕЕВ (Йошкар-Ола)

О СИСТЕМЕ ПАДЕЖЕЙ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА В РУКОПИСНОМ ПАМЯТНИКЕ 2-й ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Abstract. On the Case System of Mari According to the Late 18th Century Manuscript Mari-Russian Dictionary by V. Kreknin and I. Platunov

This article considers the grammatical category of case, based on the entries of a manuscript dictionary of the second half of the 18th century. At present, the unpublished monument is kept in the manuscript department of the Russian National Library as a single handwritten copy. The compilers of the lexicographic work are Vyatka clergymen V. Kreknin and I. Platunov. Besides phonetic and lexical features, the manuscript has also preserved some grammatical peculiarities of the Mari language of 230 years ago. A careful study of the dictionary entries has identified 11 grammatical cases. The occurrence of such cases as causative and ablative is very limited in the dictionary. While the causative is mainly characteristic of the Western group of the Mari dialects, the ablative is more peculiar to the Urzhum dialect.

Keyword: Mari language, handwritten monument, grammar, ablative, caritive, causative.

В истории марийской лексикографии «Краткий черемисский словарь с российским переводом...» (Эрм. собр. № 197/1) — первое крупное национально-русское произведение. Он составлен в 1785 году. Примечательно, что в том же году создан и «Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, именно россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис...» (ф. 2013, оп. 602-а, ед. хр. 187 — черновой нижегородский вариант, Эрм. собр. № 223 — белойой Санкт-Петербургский вариант), второй том которого посвящен марийскому языку (ф. 2013, оп. 602-а, ед. хр. 186 — черновой нижегородский вариант, Эрм. собр. № 218 — белойой Санкт-Петербургский вариант). В истории отечественной лексикографии он известен как «словарь Дамаскина». Второй том, марийская часть, в истории марийского словарного дела известен как «Словарь черемисского языка с российским переводом». Крекнинский словарь по структуре марийско-русский, содержит около 5000 лексических единиц (историко-лингвистическую характеристику см. Сергеев 1989; 2008; 2009).

Составители этого уникальнейшего памятника марийского языка XVIII века — священнослужители Василий Крекнин и Иоанн Платунов, протоиерей собора Кукарской слободы и дьякон Спасской церкви.

Больше о них почти ничего не известно. Однако историографические данные позволяют выявить некоторые факты их биографий. По словам архимандрита Макария, например, Иоанн Платунов, как и преосвященный Дамаскин (Д. Семенов-Руднев, возглавлял Нижегородскую епархию в 1784—1794 гг.), активно поддерживал христианизацию «инородцев» Нижегородской епархии (Архимандрит Макарий 1857 : 130—131). Удмуртские исследователи констатируют, что И. Платунов неоднократно участвовал в переводах церковной литературы на удмуртский язык (см. Каракулов 1997 : 5; Шумилов 1997 : 91; Загребин 1999 : 23). Важно подчеркнуть, что И. Платунов работал над переводами вместе со священником «села Еловскаго Троицкой церкви Захаріею Кротовым», составителем рукописного словаря «Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ...» (Эрм. собр. № 197/II), подготовленного тоже в 1785 году. Сравнительный анализ марийского и удмуртского рукописных словарей представлен в статье «К характеристике «кратких черемисского и вотского словарей с российским переводом» (Сергеев 2008 : 246—257). Оказалось, что составитель «Краткого черемисского словаря с российским переводом...» И. Платунов хорошо знал и удмуртский язык.

Из одного дела (список № 18) Государственного архива Кировской области узнаем, что в начале 1780 года «диакон Кафедрального Троицкого собора Василий Крекнин произведен в протоиереи к Кукарскому Троицкому собору» (Ф. 237, оп. 19, л. 26), т. е. В. Крекнин из низшего духовного сана (помощник священника при совершении церковной службы) стал «старшим православным священником». А 28 декабря 1780 года он участвовал в «возведении села Ноли в степень уездного города Нолинска новоучрежденного в 1780 году Вятским наместничеством». Касаясь этого исторического мероприятия, священник Николаевского собора В. В. Курбановский писал: «Для торжества объявления села Ноли уездным городом Вятского наместничества и открытия в нем присутственных и судебных мест были командированы от правящего должность генерал-губернатора А. А. Ступишина председатель Вятского верхнего суда Шишков, а от епархиального начальства — кукарский протоиерей Василий Крекнин». В. В. Курбановский продолжает: «Помещения (Николаевского собора — О.С.) окроплялись святой водой, прибывший из Кукарки протоиерей произнес речь, и открылось первое заседание, при чем прочитаны статьи законов» (www.nolinsk.com/publ/iz_proshlogo/legendy_nikolaevskogo_sobora/1-1-0-303).

В. Крекнин и И. Платунов не были марийцами. Об этом свидетельствуют и некоторые словарные статьи в рукописном памятнике, где допущены отдельные ошибки и неточности в оформлении марийских лексем, иные слова переведены не совсем правильно, например: *неремашь нугудо* 'мокрота густая' (л. 110), где *мокрота* 'рун', *густой* 'нугыдо'; *тумунэгэ* 'желудок' (л. 189), где *тумунэгэ* (лит. *тумлеге*) 'желудь', а *желудок* 'пагар, мўшкырвшуто (у животных)'; *умша помышь* 'челюсть' (л. 203), где *умшавомышь* 'полость рта, ротовая полость; защечный мешок', а *челюсть* 'онылашлу, пўйдўн, пўйдўнлодо'.

Что касается диалектной основы памятника, в «Предисловии» составители писали: «Черемисы поразности мѣсть разное имѣють нарѣчіе...» (Эрм. собр. № 197/I, л. 2). В «Кратком черемисском словаре...» встречаются слова всех основных диалектов современного марийско-

го языка. Не исключено, что В. Крекнину и И. Платунову в работе над словарем немалую помощь оказали информанты из разных административно-территориальных районов компактного проживания марийцев. Тщательно проанализировав лексику памятника, можно констатировать, что локальную основу составляет луговое наречие, особенно богато представлен моркинско-сернурский говор. Об этом свидетельствуют фонетические и лексические особенности, например: *тырма* 'борона', *изи пјортъ кайкъ* 'воробчик', *люнгалтэмъ* 'качаю', *возошо* 'писец, писарь', *менчаемъ* 'венчаю', *тугурь* 'рубашка', *вурдо* 'ручка, черен', *селтъ* 'пронырливый, хитрый', *селтъ шомакъ* 'хитрая речь'.

Использование переднерядного *и* вместо заднерядного огубленного *й* в литературном языке, отдельные фонетические изменения говорят в пользу волжского говора лугового наречия, например, *вита* 'конюшня, санный сарай', *изи киварь* 'мосточек', *киварь менге* 'свая мостовая', *килтмышь ойлыше* 'врун', *омаса* 'дверь', *комака, комка* 'печь'. Замена заднерядного редуцированного *ы* других говоров на переднерядный неогубленный *и* свидетельствует об уржумском говоре, например: *аникъ* 'задворки', *винеранъ* 'полотняный', *вютъ винемъ* 'ров водяной, колодец', *виникъ* 'веник', *килта* 'сноп', *тенгиль* 'скамейка, скамья', *иресь* 'крест'. Включение в словарь отдельной словарной статьей урбанизма *Вюрзуме ола* 'город Уржум' (совр. мар. *Вјурзым*, находится на Вятской земле), в какой-то мере тоже связано с этим говором. Других урбанизмов, кроме *Ильна ола* 'город Вятка', в словаре не встречается. Активное цокание характерно для йошкар-олинского говора лугового наречия, например: *цыкма* 'тынина, тын', *кужу шобецо* 'полотенце', *кюцюкъ* 'подушка', *пакца* 'огород', *пецке* 'бочка', *виашъ цонъ* 'простосердечие', *каце* 'жених', *цоклемъ* 'в жертву приношу', *тунемашъ тоцышо* 'ученик'.

Наряду с луговым наречием в памятнике отражены черты восточного наречия, например: *олянъ* 'тихий, тихо', *терза* 'окно', *кюрюкъ* 'шуба', *тэркэ* 'блюдо', *шюша* 'ворот, воротник', *мотыде* 'ах что это'.

Представлены в словаре и особенности западных диалектов марийского языка, например: *цамра* 'шар' — марСЗ *цамара* '1) тонш. круглый, 2) туж. деревянный шар' (Иванов, Тужаров 1971 : 257), *цанг* 'колокол' — марСЗ *цанг* то же (Иванов, Тужаров 1971 : 256), *чашка* 'роща, березняк' — марСЗ *цйшка* 'кустарник, редкий лес' (Иванов, Тужаров 1971 : 259), *цара* 'голый' — марСЗ *цйрй* то же (Иванов, Тужаров 1971 : 257), *цыбенеге* 'цыпленок' — марСЗ *цйвн'игй* то же, *цыбе* или *цыве* 'курица' — марСЗ *цйвй* то же (Иванов, Тужаров 1971 : 264), *арата* 'рама' — марГ *арата* 'рама у окна' (Саваткова 1981: 11), *ашыкъ* 'ковер, рогожа, попона' — марГ *ашык* 'покрывало, попона, потник' (Иванов, Тужаров 1971 : 16). По утверждению Н. И. Исанбаева (2014 : 6), словарь отражает и особенности пижанского говора лугового наречия.

Ознакомившись со словарными статьями, можно констатировать, что основной базой для словаря послужила первая марийская грамматика «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ черемискаго языка» (1775). Об этом свидетельствуют разработанные в ней теоретические вопросы и термины, имеющиеся в «Сочиненіи...», а также разного рода пометы в словарных статьях, совпадающие с материалами грамматики, например: *твор.* или *творит.*, *творител. пад.* (существительное с послелогом *дене* в обоих памятниках толкуется как творительный падеж); урав-

нительная и превосходительная степени прилагательных; употребление суффикса множественного числа *-шамыч (-шамыц)* (синонимичный *-влак* с аналогичной семантикой не фигурирует); фиксация после большинства существительных цифр 1 и 2, которые в марийской грамматике обозначают типы склонения; использование термина *предлог* вместо *послелог* и т. д. Включение в словарь словосочетаний в качестве словарных статей позволяет знакомиться с грамматикой марийского языка того времени. В данной работе представлен анализ грамматической категории падеж имени существительного.

В «Кратком черемисском словаре с российским переводом...» имена существительные в основном даны в именительном падеже единственного числа, исключение составляют некоторые существительные во множественном числе. Рядом с ними, через запятую, отмечено окончание родительного падежа, показателем которого в литературном языке служит аффикс *-н (-ын)*, например: *вулно, унь 'олово',¹ иги шубо, унь 'дети', килта, нь 'сноп', керемь, ень 'веревка', кереметь пече, нь 'капище', кершекъ, ень 'горшок', кесе, нь 'коза', волымашъ, ынъ 'сошествие', шиште сорта, нь 'восковая свеча'*. Отдельные словарные статьи свидетельствуют о том, что в суффикс родительного падежа вошли и конечные звуки существительных: *азанъ шоркмашъ, шынъ 'младенческий плач', обозъ, зонъ 'обоз', пакца, цанъ 'огород', пунъдо, донъ 'казна', тувуртушь вють, дюнъ 'сыворотка' шень, нень 'жила', шижмашъ, шынъ 'догадка' и др.*

Показателем множественного числа служит суффикс *-шамыц*, обнаруженный в 16 словарных статьях, например: *ирангъ-шамыцымъ лиштемъ 'борозды делаю', жигиръ шамыць 'ежегодный', кіаматыште илишешамыць, ынъ 'адские жители', кугезе шамыць, мыцынь 'предки', межашъ шамыцемъ лиштэмъ 'рубежи ставлю', пютюрме юшамыць, цынъ 'завитые волосы', родо шамыцымъ поминаемъ 'родителей поминую', саръ јень шамыць, цынъ 'армия, военный народ', цонъ шамецъ колошонъ 'души умерших', шочшошамецъ, цынъ 'потомки', юмушто илишешамецъ, цынъ 'небесные жители'*. Единообразия в оформлении данного показателя нет. С предстоящим словом он пишется то раздельно, то слитно. Есть варианты, отвечающие правилам современной марийской орфографии, фиксированные через дефис. Генитивная форма наблюдается и в словосочетаниях: *кіонъ онзольно каемъ 'пред кем иду', тажам кјонъ кютемъ 'здравие чье храню', шокшо шамыцынь лекмашъ 'паров исхождение' и т. д.* В некоторых словарных статьях дан неверный показатель родительного падежа (ошибка составителей), например: *кугу веранъ, нынь 'президент или председатель' (досл. 'имеющий высокое место'), шуэнь, нэнь 'редкость', шюнъ, нюнь 'сор, гниль, гной'*. В первом сочетании лексема *веранъ* — имя прилагательное, образованное от существительного *вер* 'место' + словообразовательный суффикс прилагательного *-ан*. Второе слово — наречие, ср. *шуэн* 'редко'. А лексическая единица *шюнъ* (лит. *ші́йын* 'гноя, гнили') уже имеет окончание генитива: *ші́й 'гной', -ын* (в источнике *-нь*) — показатель родительного падежа; а *сор* 'шўк, шўкшак, куштыра'.

В словаре В. Крекнина и И. Платунова зафиксированы и другие падежные формы, в частности, дательный с показателем *-лан*: *окса кор-*

¹ Орфография словаря сохранена.

нолань 'деньги на дорогу', табышлань 'в пользу', тумалань кангаше-ше 'к бунту склонный', тунуктэмь ушлань 'выучиваю на память', тутланакь 'кто муж', ужашлань пуртемь 'участником делаю', шаклатлань пуэмь 'в заклад отдаю', ямдылыме таулуклань 'запас годовой' и др. В одном примере грамматическим синонимом датива выступает конструкция «имя существительное + послелог дене»: волідктене поянь 'ско-том богатый', совр. вольык дене поян, вольыклан поян то же; вини-тельный падеж с аффиксом -м (-ым): кіомь вурсемь 'браню кого', тіора-рамь лиштемь 'сужу', умшамь каремь 'зеваю', шинзаланымь ужалише 'соленые вещи кто продает', шокшомь колтемь 'пар испущаю'; совмест-ный падеж с показателем -ге, например: вожге кюрамь 'вырываю с кор-нем', вожге луктамь 'с корнем вырываю'; местный падеж (-ште (-што, -штö, -ыште, -ышто, -ыштö)): кебеште шинжише или кебыдыште шин-жише 'лавошник', кугужаште шолгемь 'царствую', лемештэ шолтомо 'в ухе вареный', оролшто шольгемь 'на карауле стою', оролышто шол-гошо 'караульной', ужалемь пазарште 'продаю публично', шала ве-рыште 'в разных местах, на розно', шиндзаште ошо 'белок в глазу', эре-кыште 'во власти' и др. Отметим, что показатель инессива приведен как отдельная словарная статья: ште 'во, в (чем)'.

Многие лексические единицы оформлены направительным паде-жом с показателем -шке (-шко, -шкö, -ышке, -ышко, -ышкö): juryшке сабремь 'вкруг обращаюся', кудупечишке пуремь 'въезжаю на двор', мучашшышке 'в конец', оролошко наламь 'беру под караул', тіораш-ке южамь 'в суд требую', ушушко пуремь 'в память себе привожу, в память опять прихожу', церкышке пуртемь 'к церкви принимаю', цок-лымашке налміэмь 'в жертву приношу', шогаламь кудувечишке 'ста-новлюсь на двор', шокшошко кайше 'пожар', шонгошко пуремь 'в ста-рость прихожу' и т. д. Окончание иллатива тоже дано отдельной ста-ттей с пометой «предлог»: шке предлогъ 'в, во (что)'. В ограниченном количестве представлены существительные в обстоятельственном па-деже с аффиксом -ш (-еш): јолешъ возамь 'припадаю к ногам', кугешъ шоголтэмь 'завеликое ставлю', кугешъ ижаплемь 'завеликое почитаю'.

Анализ корпуса словаря выявил и редко встречающиеся падежи, в на-стоящее время характерные для отдельных периферийных говоров марий-ского языка. Один из них лишительный падеж с показателем -де (-те), например: шиндзаде ліамь 'слепотствую', жапте юамь 'пью чрезмерно', икдэ 'уже'. В словаре синонимом суффикса -де (-те) выступает дегезе (-дегизе, -тегизе), который можно рассматривать как морфологический архаизм: јонтегизе (наречие) 'беспутно', ойтегизэ (наречие) 'не рассудно', уштегизе (наречие) 'безумно'. Отдельные слова с суффиксом -тегизе со-провождаются пометами «нареч.» или «наречие». Некоторые марийские лингвисты этот суффикс рассматривают как наречный (Галкин 1986 : 8; Исанбаев 2007 : 18). Однако многие признают наличие каритива не толь-ко в отдельных марийских говорах, но и в литературном языке (Тужа-ров 1987 : 97—98; Saarinen 1993 : 153—155; Игнатьева 2000 : 12—14; Сергеев 2001 : 177; Bereczki 2002 : 52). В последнее время в художественных и пуб-лицистических текстах используются иллюстративные материалы с по-казателем каритива -де, например: Кок йолде пöртылын, кöлан кйлам, эмгак веле лиям манын шонен, Васу инвалид-влак суртеш кодеш (Онч.) досл. 'Возвращаясь без обеих ног, кому я нужен, подумав про себя, Васу

остаётся в доме инвалидов'; *Тыгак ик мутде шижгар деч коране* (Володя) *да лум ймбак шинчын, аза семын шорташ тјнгалe* (М.-А.) досл. '(Володя) без единого слова отошел от могилы, присел на снег и стал плакать как маленький ребенок'; *Настян марийже, вичкыжрак чурийвыльишан шемалге пӧрӧен, вестјрлемын савырале: — Мый — пашаде... адак ватымат воктекем шындаш але? А пјйым — кашташ?* (МЭ) досл. 'Муж Насти, нежного лица темный мужчина, по-иному свернул. Я — без работы... может еще рядом с собой посадить и жену? А зубы — на перекладину?'. В поэтических произведениях тоже активно употребляется аффикс *-де*:

<p><i>А жап эрта.</i> <i>Шижаш огеш лий тудым...</i> <i>Но кышаде огеш йом нигунам</i> (Г.О.) <i>Но товарде нимом руал от лодо</i> (Г.О.) Или: <i>Ик ен, товат, йокрок денак</i> <i>кошка,</i> <i>Лиеш мо таче калыкде илаш</i> (Т.П.)</p>	<p>'А время проходит. Не заметишь его... Но без следа не останется никогда' 'Но без топора никакую зарубку не сделаешь' 'Один, точно, сохнешь от тоски, Можно ли сегодня жить без народа'</p>
---	--

Каритивной формой пользовались и писатели-классики, например: *Титакде кыралтме дегенератат икте лийын* (С.Ч.) досл. 'Без вины битый и регенерат был один'; *Кепкыжым* (Стапан) *шоягоремышкыже шынден, тованше йпшым ончык луктын сакен, йштыде, орай* (М.-Ш.) '(Стапан) усадил кепку на затылок, спутанные волосы впереди торчат, без пояса, нараспашку'.

В ряде статей словаря встречается грамматическая синонимия «существительное + послелог *лец посна*»: *шинзаль лець посна* 'без соли', ср. *шинчалде* то же. В одном случае обнаружен причинный падеж с показателем *-ланен*: *тудуланень* или *тутланень* 'того ради', характерный для западной группы марийских диалектов в значении 'для, ради'. Рукописный памятник свидетельствует и о наличии отделительного падежа с аффиксом *-леч* (*-лец*): *волгонзелець волгальгатмашь* 'блистание от молнии', *жаплець кочь* 'чрезвычайно, чрезмерно', *икте весе лець вара* 'один после другого', *омо лець поможалтамь* 'со сна встаю', *сомоль лець утаремь* 'от службы оставляю, увольняю от службы'. Показатель характерен для уржумского говора лугового наречия (Иванов 1981 : 51).

Составители словаря, ссылаясь на теоретическую разработку первой марийской грамматики, выделили творительный падеж по модели: «номинатив + послелог *дене*» (по грамматике и рукописному словарю предлог.), например: *жаптене* (творительный падеж) 'временем', *кастэне* или *кась дене* (творительный падеж) 'поздно, поздно вечером', *люмтэнэ* или *люмденэ* (творительный падеж) 'именно, по именам', *нэргэдене* (творительный падеж) 'порядочно'. В последнем примере помету «творительный падеж» дополняет помета «наречие». Причиной можно считать эквивалентом марийскому слову рус. *порядочно*.

Итак, анализ словоформ и словосочетаний в рукописном памятнике дает информацию об основных элементах грамматического строя марийского языка 230-летней давности, в том числе о категории «падеж

имени существительного». В словаре церковнослужителей Василия Кречина и Иоанна Платунова нами обнаружены 11 падежей: именительный (номинатив), родительный (генитив), дательный (датов), винительный (аккузатив), совместный (комитатив), лишительный (каритив), причинный (каузатив), отделительный (аблатив), местный (инессив), направительный (иллатив) и обстоятельственный (латив). Составителями словаря выделен также творительный падеж.

Address

Oleg Sergeev
Mari Research Institute of Language, Literature and History
E-mail: olsemar@rambler.ru

Сокращения

Г.О. — Геннадий Ояр, М.-А. — Мичурин-Азмекей, М.-Ш. — Майоров-Шкелтан, МЭ — газета «Марий Эл», Онч. — журнал «Ончыко», С.Ч. — Сергей Чавайн, Т.П. — Тимофей Петухов; тонш. — тоншаевский говор северо-западного наречия марийского языка (марСЗ); туж. — тужинский говор северо-западного наречия марийского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Архимандрит Макарий 1857, История Нижегородской иерархии, содержащая в себе сказание о Нижегородских иерархах с 1672 до 1850 годах, Санкт-Петербург.
- Галкин И. С. 1986, Марий йылмын исторический грамматикыже. Морфологий ден синтаксис. Туземме книга, Йошкар-Ола.
- Загребин А. Е. 1999, Финны об удмуртах. Финские исследователи этнографии удмуртов XIX — первой половины XX вв., Ижевск.
- Иванов И. Г. 1981, Марий диалектологий, Йошкар-Ола.
- Иванов И. Г., Тужаров Г. М. 1971, Словарь северо-западного наречия марийского языка, Йошкар-Ола (Диалекты марийского языка. Выпуск II).
- Игнатьева Е. И. 2000, К вопросу о лишительном падеже (абессиве) в горном наречии марийского языка. — Психолого-педагогические проблемы совершенствования системы повышения квалификации, Йошкар-Ола, 12—14.
- Исанбаев Н. И. 2007, Марий исторический фонетика. Туземме книга, Йошкар-Ола.
- — 2014, Русские лексические заимствования дооктябрьского периода в марийском языке. Словарь-справочник, Йошкар-Ола.
- Каракулов Б. И. 1997, Роль переводов Евангелий издания 1847 года в истории удмуртского литературного языка. — Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития. Материалы международной научной конференции. Глазов, 19—21 ноября 1997 года. Ч. 1. Языкознание. Фольклор и литературное краеведение. Библиотека — книга — читатель, Глазов, 3—8.
- Сергеев О. 1989, Кукарский рукописный марийский словарь XVIII века. — FU 15, 127—136.
- — 2001, Синонимика падежных форм и послеложных конструкций марийского языка. — CIFU IX. Pars VI. Linguistica III, 174—179.
- — 2008, К характеристике кратких «черемисского и вотского словарей с российским переводом». — Материалы X Международного конгресса финно-угроведов. Лингвистика. V часть, Йошкар-Ола, 246—257.

- — 2009, «Краткий черемисский словарь с российским переводом...»: палеографическое описание и социально-политические предпосылки создания памятника. — Проблемы сохранения языка и культуры в условиях глобализации. Материалы VII Международного симпозиума «Языковые контакты Поволжья», Казань, 2—5 июля 2008 г., Казань, 211—215.
- Сочинения принадлежащія къ грамматикѣ черемискаго языка, Санктпетербургѣ 1775.
- Т у ж а р о в Г. М. 1987, Грамматические категории имени существительного в марийском языке, Йошкар-Ола.
- Ш у м и л о в Е. Ф. 1997, «Евангелие от Матвея» — первая удмуртская печатная книга (1823). — Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития. Материалы международной научной конференции. Глазов, 19—21 ноября 1997 года. Ч. 1. Языкознание. Фольклор и литературное краеведение. Библиотека — книга — читатель, Глазов, 90—94.
- B e r e s z k i, G. 2002, A czeremisz nyelv történeti alakтана, Debrecen (Studies in Linguistics of the Volga-Region. Supplementum I).
- S a a r i n e n, S. 1993, Marginaaliset sijat marin kaasussysteemissä. — Systeemi ja poikkeama. Juhlakirja Alho Alhoniemen 60-vuotispäiväksi 14. 5. 1993, Turku (Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 42), 147—153.

И С Т О Ч Н И К И

Государственный архив Кировской области:

Вятская духовная консистория. — Ф. 237, оп. 19. Ставленнические дела, список дел № 18.

Государственный архив Нижегородской области:

Словарь черемисского языка с российским переводом по алфавиту русскому расположенный. — Ф. 2013, оп. 602-а, ед. хр. 186.

Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, именно россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис. По высочайшему соизволению и повелению ее императорского величества премудрой госыдарыни, Екатерины Алексеевны, императрицы и самодержицы всероссийской. По алфавиту российских слов расположенный и в Нижегородской семинарии от знающих оные языки священников и семинаристов, под призором преосвященного Дамаскина епископа Нижегородского и Алаторского сочиненный 1785 года. — Ф. 2013, оп. 602-а, ед. хр. 187.

Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Эрмитажное собрание:

Краткий черемисский словарь с российским переводом, собранный Кукарской слободы Троицкого собора протоиереем Василием Крекниным и Спасской церкви диаконом Иоанном Платуновым, 1785 года. — Эрм. собр. № 197/1.

Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ, собранный и по алфавиту расположенный села Елавскаго Троицкой церкви священникомъ Захарією Кротовымъ, 1785 года. — Эрм. собр. № 197/II.

Словарь черемисского языка с российским переводом. — Эрм. собр. № 218.

Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, именно россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис. По высочайшему соизволению и повелению ее императорского величества премудрой госыдарыни, Екатерины Алексеевны, императрицы и самодержицы всероссийской. По алфавиту российских слов расположенный и в Нижегородской семинарии от знающих оные языки священников и семинаристов, под призором преосвященного Дамаскина епископа Нижегородского и Алаторского сочиненный 1785 года. — Эрм. собр. № 223.

Легенды Николаевского собора. www.nolinsk.com/publ/iz_proshlogo/legendy_nikolaevskogo_sobora/1-1-0-303.